

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ - УНИВЕРСАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ДЛЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

Умарова К.

Нукус, Узбекистан

д.ю.н., профессор кафедры «Уголовно-правовых и гражданско-правовых дисциплин» Каракалпакского государственного университета им.Бердаха

e-mail: karligash1255@mail.ru

+998913760117

Сегодня необходимость взаимодействия и качественного общения преподавателей вузов со специалистами из других стран предполагает полное взаимопонимание и, как следствие, стопроцентное достижение целей коммуникации. В связи с этим наблюдается своеобразный «языковой бум»: во-первых, желание все большего числа людей изучать иностранные языки, во-вторых, небывалый спрос на профессиональных переводчиков, чем объясняется значительное увеличение в ВУЗах Узбекистана специальностей, направленных на подготовку лингвистов, переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации. Среди универсальных компетенций - межкультурная компетентность и коммуникация отличается тем, что обладание ею открывает перспективы трудоустройства не только в своей стране. Знание иностранного языка для юристов правоведов и других профессий дает возможность читать научные труды на иностранном языке, писать научные статьи для журналов других государств, способность общаться с коллегами.

Проблема перевода юридических текстов с иностранных языков на первый взгляд касается специалистов переводчиков. Но полагаю, что юридические тексты содержат много непростых смысловых значений, а поскольку тенденция заимствования институтов из правовых систем мира в национальные все более возрастает, постольку обладание навыками универсальной компетенцией межкультурной коммуникации становится все более необходимым.

Зачем нужны универсальные компетенции? Тема компетенций начала звучать в дискуссиях об образовании благодаря требованиям рынка труда, который уже давно не ограничивается границами одной страны.

Сама роль знания иностранных языков все больше влияет как на сознание человека, так и на результаты его деятельности. На сегодняшний день английский является одним из господствующих языков мира. По охвату территорий, на которых проживают носители языка, английский занимает первое место, а по количеству говорящих на нем — второе, после мандаринского варианта китайского языка. Это не только язык международного общения и бизнеса, но и язык политической, экономической, научной жизни всего мира. Английский определен официальным и рабочим языком Организации Объединенных Наций.

Международная торговля, всевозможные программы, деятельность банковской системы осуществляется на английском языке. Востребованность обладание этой компетенцией растет, и к примеру нужно сказать, что Узбекистан

в 2020 году начал работу по вступлению в ВТО и в середине марта этого года в Женеве прошло шестое заседание рабочей группы по вступлению Узбекистана в ВТО.

Я не компетентна говорить о проблемах перевода, но признавая неоценимое значение этой компетенции для не лингвистов, и, изучив некоторые работы ученых лингвистов, хочу присоединиться к мнению А.Нойберта о том, что деятельность переводчика связана с восприятием текста письменной или устной речи на одном языке, перекодированием (переводом) этого текста из одной языковой системы в другую и воспроизведением полученного текста в письменной или устной форме на другом языке. При этом важно, что перекодирование должно быть максимально приближено к языку оригинала с учетом всего спектра критериев адекватного перевода, среди которых:

1) эквивалентность - высокая степень смысловой близости перевода оригиналу;

2) жанрово-стилистическое соответствие текстов оригинала и перевода;

3) прагматическая ценность перевода - способность текста производить коммуникативный эффект, который достигается при учете условий порождения исходного текста, условий восприятия переводного текста, социального статуса коммуникантов, речевой ситуации и различных сопутствующих явлений.

А. Нойберт полагал, что юридические тексты, в силу их специфической обусловленности прагматическими (историческими, политическими, экономическими, культурными, идеологическими) факторами, «собственно, нельзя перевести», и он во многом прав, так как «переводимость юридических текстов находится в прямой зависимости от степени родства правовых систем»[1].

Аналогичной точки зрения придерживаются представители юридической компаративистики: «...отсутствие совпадения между понятиями и даже между принятыми там и здесь правовыми категориями представляет собой одну из самых больших трудностей для юриста, желающего провести сравнение различных правовых систем. Он готов к тому, что встретится с различиями в содержании норм, но бывает дезориентирован, когда не находит в иностранном праве той классификации норм, которая ему представляется естественной и вытекающей из самой природы вещей... категории и понятия, которые элементарны для французского юриста, часто чужды для английского юриста, не говоря уже о юристе мусульманских стран [2].

В 2018 г. в Узбекистане был принят Закон «Об административных процедурах» [3] за основу которого была взята германская модель. Об эффективности этого закона можно судить по тому, что суды также крайне редко применяют его, а в некоторых случаях сознательно воздерживаются от его применения, несмотря на прямые требования заявителя. Очевидно, что текст закона нуждается в ясном и четком толковании для правоприменителей.

К примеру ст.4 и 59 закона, где указано: административный акт — это мера воздействия административного органа, направленная на создание, изменение или прекращение публичных правоотношений и порождающая определенные правовые последствия для отдельных физических или юридических лиц либо группы лиц, выделяемой по определенным индивидуальным признакам, а процессуальный акт

— акт, принимаемый административным органом в ходе административного производства, которым административное дело не разрешается по существу.

В рамках данного исследования я высказываю свое понимание и видение потенциала дисциплины «Иностранный язык» с позиции формирования основ профессиональной идентичности студентов юридического профиля. Развитие мотивации в освоении этой компетенции «запускной механизм» любой деятельности человека и в том числе юридической[4].

Обучение дисциплинам профессиональной юридической направленности должно сочетаться обучению английского—юридического. Юридический английский язык отличается следующими характерными чертами:

- 1) наличием сложных формулировок и клише юридического характера;
- 2) частотным использованием иностранных словосочетаний, обычно латинского и французского происхождения.

Среди них необходимо подчеркнуть идею о том, что юридический перевод является мифом, а эквивалентность в нем практически недостижима. В основу данного мнения положены ключевые проблемы сравнительного правоведения: эквивалентные в лингвистическом плане термины во многих случаях не будут иметь совпадений в разных юрисдикциях по количеству понятий и областям применения. Правовая значимость понятий может обладать значительным различием в разных языковых системах, взаимоотношениях концептов и понятий в рамках системы языка права, вместе с тем юридическая культура оказывает влияние не только на семантику и употребление терминов, но и на их использование в условиях практики. В результате подобного несоответствия при переводе текстов юридической тематики следует переформулировать вопрос относительно того, какой перевод является верным, и по возможности ответить на вопрос о том, какой перевод может быть менее неверным.

В становлении западноевропейских правовых культур юридических дискурсах в качестве текстовой решетки имели место тексты Священного Писания и его переводы на национальные языки [5], а также корпус текстов римского права на латыни и в переводе: «для юристов начала XIX в. римское право было своего рода библией, все они так или иначе были на нем воспитаны», более того, современные специалисты в области юридического перевода полагают, что латынь по-прежнему обладает «первостепенным значением в формировании терминологии и стилистики правового текста». Однако, несмотря на то, что духовные ценности Библии и её переводов как центральных текстов западноевропейской лингвокультуры в основном сохранились во всех западноевропейских юридических дискурсах, развитие континентальной и англосаксонской правовых систем, начиная с XII в., следует по принципиально различным траекториям.

Историки права склонны объяснять это судебными реформами Генриха II Плантагенета и последующим противостоянием канонического права католической церкви (власти Папы Римского) и королевской власти, приведшим к созданию англиканской церкви в ходе английской Реформации. В итоге рецепция римского права в Англии не состоялась, но усилилась королевская судебная юрисдикция, вводившая общие нормы и единые процедуры правосудия по всей стране (а также т.н. право справедливости лорда-канцлера на основе концепции «естественного

права»). Тем самым текстовая решетка англосаксонской правовой системы наполнялась «национальными» текстами, подобными Magna Carta (1215) и Habeas Corpus Act (1679), а также так называемыми судебными прецедентами – текстами судебного дискурса, источниками которых чаще являлась устная речь, тогда как во Франции, Германии, Италии и многих других европейских государствах формировалась текстовая решетка на основе письменного римского права, по выражению И.Б. Новицкого, «пропитавшего своими соками всю систему гражданского права» этих стран.

Представители немецкой исторической школы права, во многом развивая идеи В. фон Гумбольдта, полагали, что «Истинная обработка римского права для нынешней юриспруденции должна соответствовать двоякому его значению: как праву отдельного народа, в котором оно реципировано, и как всеобщему праву цивилизованных народов; для этого нужно, чтобы мы служили не букве римского права, как не должны в поэзии списывать только стихотворения древних, – мы должны освободиться от буквы и проникнуться духом его» [6]. В связи с этим в англоязычном юридическом дискурсе термин «англосаксонская (и впоследствии американская) система права» принято переводить как «система общего права (common law)» (создание законодательства, общего для всех подданных или граждан соответствующего государства под эгидой единого правителя), тогда как «континентальной (романо-германской) системе» соответствует «civil law», от латинского *jus civile* – права Римской империи, регулирующего частную (цивильную) сферу.

Вариант перевода «гражданское право» для обозначения указанной правовой системы на данный момент не уместен, поскольку он омонимичен гражданскому праву как отрасли узбекистанского права; понятие «цивильное право» пока не прижилось, а «частное право» употребляется в значении регулирования правовой коммуникации между физическими и(или) юридическими лицами без непосредственного участия государства.

Как следствие, между романо-германской и англосаксонской правовыми системами исторически сложились существенные дискурсивные различия в духе сосюрровской дихотомии «язык – речь», которые необходимо учитывать переводчикам: «французская система стала в значительной степени опираться на письменную процедуру, а английская – на устную»; в результате «... французское королевское право стало более систематизированным, более научным, более римским, более кодифицированным,.. охватывая более широкий круг правоотношений: гражданские обязательства, включая договоры, право собственности, право корпораций, уголовное право, публичное право, международное право» [2].

Влияние римского права отразилось и на французском языке, что подтверждают этимологические исследования французского юридического дискурса [6]. Германия также «создала свое собственное национальное право, причем не столько из своих исторических правовых институтов, сколько из воспринятого ею “чуждого” римского права» [2]. Эти суждения дают почву для переосмысления и переоценки практики заимствований романо-германских и англо-саксонских правовых институтов в национальное законодательство

Конституцию, Гражданский кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс и другие законы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст.. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 185–202.
2. Базуева А.Н. К вопросу о стратегиях письменного перевода англоязычного юридического дискурса // Профессиональное образование в России. 2016. № 10. С. 102–107.; Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. 136 с. ISBN 978-5-317-03078-0
3. Закон Республики Узбекистан «Об административных процедурах» от 8.01.2018г. // Национальная база данных законодательства №03/18/457/0525; 07.01.2020 г.
4. И.А.Зимняя. Ключевые компетенции - новая парадигма результата образования. // Эксперимент и инновации в школе. 2019 г. №2. С.8
5. А.В.Бородина. Лингво-дискурсивные аспекты юридического текста как объект предпереводческого анализа. // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. № 4. С. 192–198.; Рекош К.Х. Искусства словесности в период Античности как предпосылки формирования западноевропейского правового дискурса: монография. М.: МГИМО Университет, 2017. 190 с.
6. Новицкий И.Б. Римское право. М.: Зерцало-М, 2018. 246 с.